

СОФІЯ.

(Изъ писемъ къ Другу ¹).

Тышь дѣйствительной чистоты — Пречистая и Препоблагословенная Матерь Господа, Смиренная въ Своей вѣчной чистотѣ. Чистая въ Своемъ неизмѣнномъ смиреніи. Въ Ней, Невѣсть Духа Святого, вѣчно Имъ очищаемой. бѣсть живої источиши мѣровой чистоты, „Источникъ присто текущій разума“: въ Ней бѣсть ключъ воды живої, утоляющей великую жажду и угашающей въ душѣ огонь геенскій: и потому къ Ней Церковь възываетъ воія: „Очищающее мѣру, Богородице“ и „всего мѣра Очищеніе“. Вѣдь это Она — „темное полчище страстей и похотей нашихъ прогоняющая“: это Она — „столпъ огненный, отъ искушеній и соблазновъ мѣра насъ покрывающій“, „столпъ огненный, среди мѣлы грѣха вѣсѣмъ намъ путь спасенія показующій“: это Она — отъ страстнаго „заналенія ощеннаго расою молитвъ своихъ избавляющая“. Если Господь — Глава Церкви, то Кроткая Марія, — „Подательница божественнаго благодати“ — „воистину Сердце Ея, чрезъ которое Церковь разнесетъ членамъ своимъ Жизнь. Вѣчность и дары Духа, негншая „Живото-дательница“ ², истинный „Животносннй Источникъ“. Вѣдь Марія — „Госпожа все-непорочная“, „едша чистая и благословенная“, „благодатная“, „едшая нетлѣнная и добрая голубица“. Она — Живої Символь и Нача-

¹ См. „Богосл. Вѣст.“ 1911 г. № 5 стр.

² Напечатанное *курсивомъ* представляет наименованія различныхъ явленныхъ иконъ Божіей Матери. Прочія же величанія Богородицы взяты изъ церковныхъ пѣснопѣній.

тогь очинающагося міра, „*Чистительная*“: Она—„*Неопалимая Купина*“, объята пламенемъ Духа Святаго, живое предварительное явленіе Духа на землю, типъ пневматофаніи. Какъ Духъ есть Красота Абсолютнаго, такъ Богородительница есть Красота Тварнаго, „міру слава“, и Ею украшена вся тварь: „Радуются земнородніи, о божественной Твоей Славъ красящися“, т. е. „Украшаяся Твоею божественною славою, земнородные радуются“, потому что красота, воспринятая въ сердце, есть радость. И красота Міра, въ благоговѣйномъ трепетѣ имъ созерцаемая, есть Радость Міра, „*Нечаянная Радость*“ его, „*Умиленіе*“ его, „*Отрада и Утѣшеніе*“ его, „*Сладкое Лобзаніе*“, которымъ Міръ Дольній лобзаетъ Міръ Горній. Это— „*Радость всѣхъ радостей*“, какъ заповѣдалъ называть намъ икону „Умиленія“ Серафимъ Преподобный, — ту самую икону, которую одну только онъ имѣлъ въ своей кельи и предъ которой онъ спасался¹. Богородица—Радость и „радости міра Ходатанца“. Въ созерцаніи небесной Красоты— „*Утоленіе Печали*“: „*Всѣхъ Скорбящихъ Радость*“, „*Въ скорбехъ и печаляхъ Утѣшеніе*“. Богородица — „Заступница усердная“. Она— „*Взысканіе Погибшихъ*“, „*Споручница грѣшныхъ*“, „*Умягченіе злыхъ сердецъ*“. Она „*Призываетъ на печали*“, Она— „*Скоро-послушница*“, „*Услышательница*“, „*Избавленіе отъ бѣдъ страждущихъ*“, „*Милостивая Цѣлительница*“. Она— Ангель-Храшитель міра. Она— „*Покровъ*“ міру „шириіи облака“, „*Одигитрія*“ [или „*Путеводительница*“] его, то огненнымъ, то облачнымъ столпомъ ведущая міръ къ Странѣ Обѣтованной, въ „жизнь вышнюю“: Она— „*Нерушимая Стѣна*“, защищающая міръ, „*Избавительница*“ его. Она— „всей вселенной крѣпкое Заступленіе“. Ею и чрезъ Нею радуется вся тварь и человѣческій родъ. Поемъ вѣдь:

„О Тебѣ радуется², Благодатная, всякая тварь, ангельскій соборъ и человѣческій родъ, освященный храмъ и раю словесный,

¹ Икона „Умиленія“ замѣчательна тѣмъ, что на ней Божія Матерь изображена безъ Младенца и даже до Его зачатія,—въ моментъ „Архангельскаго обрадованія“. Предъ нею у Преподобнаго было возжено *семь* свѣтильниковъ, занимавшихъ почти всю келью. О томъ, что прел. Серафимъ Саровскій заповѣдалъ называть Ее „Радостью всѣхъ радостей“ см.: Сергій Нилусъ, —*Великое въ маломъ*. Изд. 2-е, Царское село, 1905. „Поездка въ Саровскую пустынь“, XVII, стр. 89.

² *Et tui gaudet*, т. е. Тобою радуется: *gaudet* *et* *tui* или *et* *tui*—радоваться чѣмъ или кѣмъ.

дѣвственная похвало ---. О Тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь, слава Тебѣ“.

Богородица—прекраснѣйшій цвѣтокъ земли, „*Неувядаемый*“ и „*Благоуханный Цвѣтъ*“. Она—Носительница Софій.—„Небо одушевленное“ и „Небо умное“, „*Благодатное Небо*“, т. е. Горній Міръ, Иерусалимъ Небесный, отпечатлѣвшійся въ Пречистой душѣ Дѣвы. Не говоритъ ли Церковь:

„Воистину явилася еси небо на земли, большее вышняго небесе, безвѣстная Дѣво: изъ Тебѣ бо возсія Солнце въ міръ, владычествуя Правдою“?

Эта тѣснѣйшая связь между идеею о Богородицѣ и объ Иерусалимѣ Горнемъ сквозитъ и въ сопоставленіи пасхальнаго прмеса:

„Свѣтися, свѣтися
Новый Иерусалиме:
Слава бо Господня
на тебѣ возсія.
„Ликуй нынѣ,
и веселися Сіоне.
Ты же Чистая
красуйся Богородице
о возстаніи Рождества Твоего“.

Про нѣкоторыхъ подвижниковъ Пречистая Дѣва, явившись имъ, говорила: „Этотъ — нашего рода“ ¹. „*Этотъ — нашего рода*“. Слова глубоко-знаменательныя! Значитъ, есть какой-то особый „родъ“, родъ Божіей Матери, и къ роду этому, къ этой своеобразной природѣ бывають причастны святые подвижники. Что же это за родъ?—Родъ предрасположенный къ дѣвственности души, высшій типъ духовной организаціи, святая (=это не значитъ еще безгрѣшная=) личность. Однимъ словомъ, это—софійность души, текущая изъ Источника Чистоты. Кто же Источникъ Чистоты? Кто „**Столпъ Дѣвства**“?—Пресвятая Богородица.

¹ Когда въ 1780-мъ году юноша Прохору, въслѣдствіи Преподобному Серафиму, во время болѣзни явилась Божія Матерь, то Она сказала, указывая перстомъ на Прохора, Іоанну Богослову: „*Этотъ—нашего рода*“. Эти же слова были сказаны Божіей Матерію и о другомъ подвижникѣ, а именно 80-ти лѣтнемъ старцѣ архимандритѣ Паисіѣ, въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ. Объ этомъ рассказываетъ іеромонахъ Іоасафъ, въ анонимной книгѣ: „Житіе Старца Серафима. Саровской обители іеромонаха пустынножителя и затворника“. Санктпетербургъ, 1863. Стр. 25 и примѣчаніе тамъ же. Впрочемъ, эти случаи.—не исключительные; можно было бы указать и нныя.

Въ Богородицѣ сочетаетсяъ слава Софійная, т. е. ангельская, и человеческое смиреніе,—„Божіе къ смертнымъ благоволеніе“ и „смертныхъ къ Богу дерзновеніе“. Божія Матерь стоитъ на чертѣ, отдѣляющей тварь отъ Творца, и, т. к. среднее между тѣмъ и другимъ совершенно непостижимо, то совершенно непостижима и Божія Матерь. Она—„высота неудобовосходимая человеческими помысли“, Она—„глубина неудобовзримая и ангельскими очима“. Она—„Честивѣйшая Херувимъ и Славивѣйшая безъ сравненія всѣхъ Серафимъ“. О Ней говорится: „Наче Огнезрачныхъ Серафимовъ явилася еси Чистая Честивѣйшая“. Посетельница чистоты, Явленіе Духа Святаго, Начало духовной твари, Истокъ Церкви, выше-ангельская „Богоневѣстная Отроковица“ перестаетъ быть. Одною изъ многихъ въ Церкви. Даже въ Церкви святыхъ она не есть prima inter pares. Она—особая. Она—исключительное средоточіе Церковной жизни. Она—сердце Писуново. Она—Церковь. Николай Кавасила, архіепископъ Фессалонійскій,—одинъ изъ наиболѣе чтимыхъ толкователей божественной литургіи (жилъ въ XIV-мъ вѣкѣ)—, опытно познавшій таинственную глубину богослуженія говоритъ ¹, что „если-бы кто могъ увидѣть Церковь Христову въ томъ самомъ видѣ, какъ она соединена со Христомъ и участвуетъ въ плоти Его, то увидѣть бы ее не чѣмъ другимъ, какъ только тѣломъ Господнимъ“. Но если бы при этомъ онъ посмотрѣлъ на Пречистую и Преблагословенную Дѣву Марію, то увидѣть бы Ее не чѣмъ тѣмъ, какъ сердцемъ Христовымъ. Она—центръ тварной жизни, точка соприкосновенія земли съ небомъ. Она Избрашая, Царица Небесная и, тѣмъ болѣе, Земная:

„Избранной Предвѣчнымъ Царемъ превыше всякаго созданія небеси и земли Царицѣ---

„Достойное покловіе съ благодареніемъ приносяще съ вѣрою и умиленіемъ приобщаемъ“.

Она имѣетъ космическую власть. Она—„всѣхъ стихій земныхъ и небесныхъ освященіе“, „всѣхъ временъ года благословеніе“. Она—*ἡ πάντων βιβλίωσα*, —*надъ всѣмъ Царица*“. Она—Владычица міра, почему и възываетъ всякій вѣрный:

¹ Николай Кавасила, Изъясненіе божественной литургіи, 38 (*Ἐπιτομή θεολογικῆς ἐκ τῆς θείας λειτουργίας*. Parisiis, 1624.—Русскій переводъ въ: „Писанія св. отцевъ и учителей церкви, относящіяся къ истолкованію православнаго богослуженія“. Т. III. Санктпетербургъ. 1857, стр. 385).

„Утѣшенія не имамъ развѣ Тебѣ, Владычице міра,
Упованіе и Предстательство вѣрныхъ“.

Тутъ приведены совершенно случайно-припомнившіеся выраженія церковной письменности. Дать систематической сводъ того необозримаго содержанія, которое дается въ богослужебной письменности, составило бы задачу цѣлой науки, которой,—увы!—, у насъ нѣтъ вовсе. Я старался передать тебѣ, какъ я понимаю эту письменность. Можетъ быть, я ошибаюсь?—Было бы хорошо, если бы ты указалъ мнѣ,—въ чемъ. Но, во всякомъ случаѣ, общій ходъ мысли отъ этого не измѣнится, потому что сказанное о Божіей Матери сказано больше по причинамъ личнымъ, нежели строго необходимо въ главномъ построеніи мысли.

Но все таки мнѣ не хотѣлось бы оканчивать этого письма, не приведя нѣкоторыхъ изъ тѣхъ данныхъ, на которыхъ выросло мое убѣжденіе. Вѣдь предѣлъ моихъ стремленій—въ томъ, чтобы уяснить себѣ церковное сознаніе, и нѣтъ ничего болѣе чуждаго цѣлямъ моей работы, какъ званіе изложить „свою“ систему. Скажу болѣе рѣшительно: Если тутъ, въ работѣ моей, есть какіе-нибудь „мои“, взгляды, то лишь отъ недомыслія моего, незнанія или непониманія. Тѣ данныя, которыя имѣются мною въ виду, заключаются помимо богослужебнаго творчества Церкви, въ отеческой письменности и въ иконографіи. Начну съ первыхъ.

До насъ дошелъ въ латинскомъ переводѣ замѣчательный текстъ, имѣющій надписаніе: „Іоанну, святому старцу, Игнатію и братія, которые—съ нимъ“ и, по преданію, представляющій собою частное письмо Игнатія Богоносца въ Апостолу и Евангелисту Іоанну Богослову.—какъ извѣстно—, бывшему пріемнымъ сыномъ Пресвятой Дѣвы Маріи. Въ начальныхъ строкахъ, авторъ документа выражаетъ скорбь свою и окружающихъ на промедленіе Іоанна. Изъ контекста явствуетъ, что Іоаннъ обѣщаль прійти въ общину Игнатія, и, повидимому,—съ Божіей Матерью, но почему-то замѣшкаться. Кажется, для Автора Письма отсюда возникли въ общинѣ какія-то затрудненія (—быть можетъ, нѣкоторые члены общины задумали самовольно уйти во Іерусалимъ для скорѣйшаго свиданія съ Апостоломъ—), и Онъ убѣждаетъ Апостола поторопиться съ исполненіемъ обѣщаннаго. Далѣе говорится:

„Есть и здѣсь много женщинъ пашихъ, жаждущихъ видѣть Марию Иисуса, и каждодневно намѣреющихся (*volentes*) разбѣжаться къ намъ, чтобы коснуться и дотронуться до Ея персей, которыя вскормили Господа Иисуса, и разсросить Саму Ее кое о чемъ болѣе тайномъ Ея. Но и Соломея, къ которой ты расположенъ, дочь Аппы, гостящая (*commoans*) у Нея въ Иерусалимѣ пять мѣсяцевъ, и нѣкіе другіе, лично знакомые, передають, что Она исполнена всякой благодати и всѣхъ добродѣтелей (*eam omnium gratiarum abundam, et omnium virtutum*), какъ дѣва (*more virginis*) плодородна добродѣтелью и благодатію. И, какъ говорятъ, въ преслѣдованіяхъ и скорбяхъ Она весела, въ нуждахъ и недостаткахъ не жалуется; оскорбителемъ признательна, на докупъ радуется; несчастнымъ и притѣсяемымъ соболѣзнуетъ сострадая, и не медлитъ прийти на помощь. Но отличается (*enitescit, сіяетъ*) противъ зловредныхъ стычекъ погрѣшностей, выстудая Посредницею въ сраженіи вѣры. Нашей новой вѣры и покоявія является Учительницею; а у всѣхъ вѣрныхъ Помощницею во всѣхъ дѣлахъ благочестія. Смиреннымъ же предава, и для преданныхъ еще предаваніе смряется; и давно всѣми възвеличивается, хотя квижники и фарисеи повосяютъ Ее. Кромѣ того, многіе много иного говорятъ о Нея; однако, всѣмъ во всемъ мы не смѣемъ ни давать вѣры, ни сообщать тебѣ. Но, какъ намъ разсказывается достойными вѣры, въ Марію Матери Иисуса съ человѣческимъ естествомъ сочетается естество ангельской святости (*in Maria, matre lesu, humanae naturae sanctitatis angelicae sociatur*). И таковой слухъ (*haec talia*) возбуждатель нашъ внутри (собственно— „внутренности“, *viscera*) и побуждаетъ весьма желать увидѣть (*desiderare aspectum*) это,—если можно сказать,— Небесное диво и священнѣйшее чудо (*hujus--- caelestis prodigii et sacratissimi monstri*). Ты же постарайся удовлетворить наше желаніе и будь здоровъ. Ампл.“¹

Другое письмо носитъ надписаніе: „Іоанну, святому старцу, его Игнатій“ и тоже признается преданіемъ за письмо Игнатія Богоносца къ Апостолу Іоанну. Письмо это начинается слѣдующими словами:

„Если можно мнѣ, то хочу подняться къ тебѣ, къ предѣламъ Иерусалима, и повидать вѣрныхъ святыхъ, которые находятся тамъ, въ особенности же Матерь Иисуса, Которую называютъ дивною для вселенной и желанною для всѣхъ (*universis admirandam et cunctis desirabilem*). Кому въдѣ не доставитъ удовольствія повидаться и поговорить съ Нею, Которая родила отъ Себя Истиннаго Бога, если только онъ другъ нашей вѣры и религіи?---“²

¹ Игнатій,—Письмо къ Апостолу и Евангелисту Іоанну Богослову (Migne,—Patrolog. ser. gr., T. 5, col. 941-944).

² Игнатій,—Письмо къ Іоанну Богослову (Migne,—Patrolog. ser. gr., T. 5, col. 943).

А дабы говорится объ Апостолѣ Іаковѣ, который, „какъ говорятъ“, „весьма похожъ на Христа Іисуса лицомъ, живіцію и обращеніемъ“. Въ заключеніе Авторъ Писема проситъ Іоанна поторопиться посѣщеніемъ.

Хотя то, что намѣреваюсь я провести сейчасъ, почти не относится къ прямой моей задачѣ, но я не могу удержаться отъ того, чтобы не передать этихъ безконечно-милыхъ строкъ переписки Игнатія Богоносца съ Пресвятой Дѣвою. Представь себѣ конкретно, что это значитъ: записка, написанная „легкими какъ снѣгъ“ перстами Кроткой и Благословенной! Самая краткость записки какъ много говорить о тихой молчаливости Той. Которая въ домашней жизни, въ каждо-дневномъ общеніи являла ап. Петру образецъ и высшее воплощеніе нетѣльной красоты „кроткаго и молчаливаго духа“, — Которая и теперь есть „молчанія просящихъ вѣра“, какъ выявляетъ къ ней вѣрующій. Говорятъ, что „быть можетъ“, эта переписка—анографична. Я не спорю, ничего не знаю.. Но вѣдь только—„можетъ быть“. А, можетъ быть,—и обратное. Вѣдь остается „а если“, и цѣнность этого „а если“ безконечно умножаетъ весь „можетъ быть“. Прошу, возники сколько-нибудь въ то чувство, которое дѣлаетъ для меня это Письмо, если даже оно и впрямь мало-достоверно, безконечно-дорогимъ, милымъ до сокровенности сердца. Вѣдь даже ничтожная надежда ¹ (—а никто не докажетъ неподлин-

¹ Нельзя не отмѣтить здѣсь, кстати, методологической наивности, перѣдкой въ обычныхъ сужденіяхъ о подлинности или неподлинности того или другого памятника. Въ корнѣ ея лежитъ невниманіе къ понятію „вѣроятности“ и его производнымъ, въ особенности же къ понятіямъ „математическаго ожиданія“ и „ожиданія нравственнаго“, разработаннымъ формально въ теоріи вѣроятностей. Въ самомъ дѣлѣ, изслѣдуя какой либо памятникъ, мы имѣемъ въ виду *его самого*, какъ нѣкоторую *цѣнность* (α) и *подлинность* его,—никогда, впрочемъ, не безусловно, но всегда лишь болѣе или менѣе *вѣроятную*—, степень подлинности, *степень вѣроятности*, цѣнряемую нѣкоторымъ коэффициентомъ p . Но ни α , ни p не даются намъ порознь, ибо p мы не можемъ судить о цѣнности произведенія совершенно отвлеченно отъ вопроса о его происхожденіи,—ни о происхожденіи его, независимо отъ цѣнности. Эти величины p и α даются намъ въ дѣйствительной жизни всегда вмѣстѣ, въ видѣ пронаведенія pa , восящаго названіе „математическое ожиданіе“; выраженія pa или P и должно являться предметомъ обслѣдованія всякой сознательной критики; попытка же узнать значеніе отдѣльно p и отдѣльно α есть наивная мечта о невозможномъ, да и не нужномъ.—Для насъ

ности Письма!—) на то, что Она съѣла за столъ, оправляла одежды и Своими руками папсала это благоуханное шнсьмо, заставляетъ почти плакать отъ удивленія, надолго умнротворяетъ волненіе души. Какъ мы счастливы, что есть у насъ эти любезныя сердцу строчки!—Но приведу самыя шнсьма.

Вотъ что пишеть Дѣвѣ Богопосецѣ:

„Христоносицѣ Маріи Ея Игнатій.

„Тебѣ надо было бы укрѣпить и утѣшить меня, новообращеннаго, ученика Твоего Іоанна. О Твоемъ вѣдь Іисусѣ я узналъ то, что дивно сказать, и пораженъ слышаннымъ. А отъ Тебя,—всегда бывшей близкою и связанною съ Нимъ и свѣдующею въ Его тайнахъ—, отъ души желаю получить извѣщеніе о слышанномъ. Я писалъ Тебѣ еще въ другое время, и спрашивалъ о томъ же самомъ. Будь здорова; и ново-обращенныя, которые—со мною, отъ Тебя и чрезъ Тебя и въ Тебѣ укрѣпляются. Аминь“¹.

Латинскій переводъ отвѣтнаго шнсьма Божіей Матери гласитъ:

„Ignatio dilecto condiscipulo, humilis ancilla Christi Iesu.

De Iesu quae a Ioanne audisti et didicisti, vera sunt. Illa credas, illis inhaereas; et Christianitatis susceptae votum firmiter teneas,

важно то, у чего значительно произведеніе Р.—Величина же Р опредѣляется либо значительностью р, либо значительностью α, либо тѣмъ и другимъ заразъ. При этомъ, р—всегда положительная, правильная дробь, т. е. большая нуля и меньшая единицы,—ибо никогда не исключень случай возможной подлинности извѣстнаго творенія и никогда не исключена безусловно возможность его неподлинности. Что же до α, то оно простирается отъ $-\infty$ до $+\infty$, такъ что

$$\text{и} \quad \begin{matrix} 0 < p < 1 \\ -\infty < \alpha < +\infty. \end{matrix}$$

Возможно, что въ иныхъ случаяхъ вмѣсто величины α должна быть ваята бернуллевская функція $\varphi(\alpha)$, такъ что вмѣсто „математическаго ожиданія“ Р получается „нравственное ожиданіе“ $Q = p \varphi(\alpha)$.

Но, такъ или иначе, однако ясно, что при весьма большомъ α, т. е. при весьма дѣльномъ памятникѣ даже малая вѣроятность его подлинности все же можетъ сохранить значительное математическое Р или нравственное Q ожиданіе его. Этотъ именно случай мы имѣемъ въ письмѣ Божіей Матери. Вѣдь если бы и впрямь его р было мало (—но оно во всякомъ случаѣ не нуль—), все таки α его такъ безмѣрно велико, что Р получается значительнымъ. А т. к. α опредѣляется не наукою, а другими дѣятельностями духа, и въ частности, α духовныхъ твореній опредѣляется Церковью, то ясно дѣло что въ конечномъ счетѣ вседѣло отъ Церкви же зависитъ сдѣлать Р какъ угодно великимъ.

¹ Игнатій,—Письмо къ Св. Дѣвѣ Маріи (Migne,—Patrolog. ser. gr. T. 5. col. 943-944).

et mores et vitam voto conformes. Veniam autem una cum Ioanne, te et qui tecum sunt visere. Sta in fide, et viriliter age; nec te commoveat persecutionis austeritas; sed valeat et exsultet Spiritus tuus in Deo salutari tuo. Amen" ¹.

Или, по русски:

„Игнатию, возлюбленному со-ученику, смиренная прислужница Христа Иисуса.

Объ Иисусѣ что слышаль и узналь отъ Іоанна—истинно. Вѣрь тому, держись того; и принятый на себя обѣтъ христіанства храни непоколебимо, а привычки и жизнь сообразуй обѣту. Что—до Меня, те я приду вмѣстѣ съ Іоанномъ посѣтить тебя и тѣхъ, кто съ тобою. Стой въ вѣрѣ и поступай мужественно: и да не беспокоить тебя суровость преслѣдованія; но да будетъ сильнымъ и да радуется духъ твой въ Богъ Спасительномъ Твоемъ. Аминь“.

Мнѣ кажется неумѣстнымъ входить здѣсь въ обсужденіе подлинности этого письма. Замѣчу только относительно двухъ фразъ, въ которыхъ усматривалъ заимствованія изъ Евангелія отъ Луки и Перваго Посланія къ Коринѳянамъ, при чемъ послѣднее написано уже завѣдомо послѣ успенія Св. Дѣвы. Этимъ, будто бы подрывается достовѣрность письма. Но тутъ—великое недоразумѣніе. Первое изъ заподозриваемыхъ реченій таково:

„Sta in fide, et viriliter age—стой въ вѣрѣ и поступай мужественно“. Въ ней видѣли заимствованіе изъ 1 Кор 16 изъ: „Водрствуйте, стойте въ вѣрѣ, будьте мужественны, тверды“. Но, во первыхъ, сопоставляемыя реченія такъ просты и естественны, что вовсе не было надобности Дѣвѣ Маріи прочитавъ Посланіе ап. Павла, чтобы написать Свое Письмо. Во вторыхъ, и сходства-то между ними не много. Въ третьихъ, если утверждать заимствованіе, то еще неизвѣстно, не опирался ли Апостолъ на авторитетныя слова Божіей Матери. Въ четвертыхъ, наконецъ, аналогичное увѣщаніе имѣется въ Пс 39,—въ особенности см. у LXX-ти (Пс 31 25). Естественнѣе всего предположить (—если только вообще вужно предполагать заимствованіе!—), что и Св. Дѣва и Ап. Павелъ „заимствовали“ свои увѣщанія изъ Псалмовъ, которые каждый еврей зналъ наизусть, а они—въ особенности.

Второе заподозриваемое мѣсто таково:

„Exsultet spiritus tuus in Deo salutario tuo—да радуется духъ твой въ Богъ Спасительномъ твоемъ“. Тутъ усматриваютъ параллелизмъ съ Лк 1 47: „И возрадовался духъ Мой о Богъ Спаситель Мой“. Опять таки повторю: Нужно ли для такого простого оброта предполагать заимствованіе? Но—если его предполагать, то, во

¹ Пресв. Дѣва Марія,—Отвѣтное письмо Ігнатию Боговоспу (Migne, - Patrolog. ser. gr., T. 5 coll. 945-946).

первыхъ, нужно помнить, что Евангелистъ Лука приводитъ гимнъ, вылившійся давнымъ давно изъ устъ Той же Дѣвы, такъ что, слѣдовательно, Божія Матерь лишь повторяла въ Писемъ то, что давно уже было сказано Ею же и что, навѣрно, не разъ потомъ вспоминала Она и повторяла и Себѣ Самой, и другимъ; во вторыхъ, и къ гимну Божіей Матери Лк 147 имѣется параллельное мѣсто: 1 Цар 2 1.—Можно указать и на внутренніе признаки подлинности Писемъ или, по крайней мѣрѣ, глубокой ихъ древности. Это, именно, полное отсутствіе догматическихъ формулировокъ и отсутствіе вѣщно-величественныхъ эпитетовъ въ приложеніи къ Божіей Матери. Характерно также выраженіе „Твоей“ (—т. е. Божіей Матери—) Иисусъ („de Iesu enim tuo---“), какъ-то странно звучащее въ устахъ человѣка, мыслящаго догматически-отчетливо о Личности Иисуса Христа. Краткость Писемъ, отсутствіе въ нихъ риторическихъ амплификацій и жизненные черточки тоже дѣлаютъ подлинность ихъ весьма вѣроятною.

Могучее и неизгладимое впечатлѣніе, которое произвела на очевидцевъ Дѣва Марія, изображено яркими словами въ замѣчательномъ намятникѣ, извѣстномъ подъ названіемъ „Писема св. Діонисія Ареопагита къ Апостолу Павлу“¹. Вотъ, что значитъ въ этомъ „Писемѣ“, повѣствуемъ о посѣщеніи Божіей Матери Ареопагитомъ:

„Исповѣдаю предъ Богомъ, о славный учитель и путеводитель нашъ, что мнѣ невѣроятнымъ казалось, чтобы могло быть еще существо такъ обильно исполненное божественной силы и дивной благодати, кромѣ Самого Вышняго Бога. Но я видѣлъ не только душевными, во и тѣлесными очами то, чего никакой умъ человѣческой постигнуть не можетъ Да! Да! Я видѣлъ собственными очами Бого-образную и выше всѣхъ духовъ небесныхъ Святѣйшую, Матерь Христа Иисуса. Господа нашего. Я удостоился этого по особенной благодати Божіей, по благословенію верховнаго изъ Апостоловъ и по несповѣдимой благодати и милосердію Самой Пресвятой Дѣвы. Еще и еще исповѣдаю предъ всемогуществомъ Божіимъ и предъ преславнымъ совершенствомъ Дѣвы, Матери Его, что когда Іоаннъ, верховный апостолъ и высшій пророкъ, сіяющій въ земной жизни своей, какъ солнце на небесахъ, ввелъ меня предъ лицо Бого-образной и Пресвятой Дѣвы, то меня озарилъ не только извнѣ, но и внутри столь великій и безмѣрный свѣтъ божественный, и кругомъ разлились столь дивные ароматы и благоуханіе, что ни тѣло мое немощное, ни даже духъ мой не могли вывести

¹ Діонисій Ареопагитъ, — „О Божественныхъ именахъ“ (Цитату заимствую изъ двух-томнаго изслѣдованія Rohault de Fleury, — „La Sainte Vierge“, Paris 1878, T. 1, Chp. X, § 12, pp. 237-238).

столь чудныхъ знаменій и начатковъ вѣчнаго блаженства. Изнемогло сердце мое, изнемогъ духъ мой во мнѣ отъ Ея славы и божественной благодати. Свидѣтельствуюсь Самимъ Богомъ, рожденной отъ Ея дѣвичьей утробы, что если бѣ вы были твои божественныя наставленія и законы еще такъ свѣжи въ моей памяти, и ново-просвѣщенномъ умѣ, то я почелъ бы Ее истиннымъ Богомъ и почтилъ бы Ее поклоненіемъ, какое должно воздавать одному Истинному Богу. Человѣкъ не можетъ постигнуть блаженства, чести и славы выше того блаженства, котораго я удостоился, увидя Пресвятую. Я былъ тогда совершенно счастливъ! Благодарю Всевышняго, Милосердаго Бога, Божественную Дѣву и преславнаго Апостола Іоанна, и тебя, верховнаго предстоятеля и пачальника Церкви за то, что ты явилъ мнѣ высшее изъ благодѣяній“.

Но, быть можетъ, лучше всякихъ догматическихъ положеній софійность Богоматери видна изъ описаній Ея наружности.

По преданію, сохраненному церковнымъ историкомъ Никифоромъ Каллистомъ, Богородица „была роста средняго или, какъ иные говорятъ, нѣсколько болѣе средняго; волосы золотвидные; глаза быстрые, съ зрачками, какъ бы, цвѣта маслины; брови дугообразныя и умѣренно-черныя, носъ продолговатый; губы дѣвственныя, исполненныя сладкихъ рѣчей; лицо некруглое и неострое, но нѣсколько продолговатое; руки и пальцы длинныя“.

По преданію, передаваемому св. Амвросіемъ Медиоланскимъ „Она была Дѣвою не тѣломъ только, но и душою: смиренна сердцемъ, осмотрительна въ словахъ, благоразумна, немногорѣчива, любительница чтенія,--- трудолюбива, цѣломудренна въ рѣчи. Правломъ Ея было—никого не оскорблять, всѣмъ благо-желать, почитать старшихъ, не завидовать равнымъ, избѣгать хвастовства, быть здраво-мысленною, любить добродѣтель. Когда Она, хотя бы выраженіемъ лица, обидѣла родителей? Когда была въ несогласіи съ родными? Когда погордилась предъ человѣкомъ скромнымъ, посмѣялась надъ слабымъ, уклонилась отъ немощаго? У Нея не было ничего суроваго въ очахъ, ничего неосмотрительнаго въ словахъ, ничего неприличнаго въ дѣйствіяхъ: тѣлодвиженія скромныя, поступь тихая, голосъ ровный; такъ что тѣлесный видъ Ея былъ выраженіемъ души, олицетвореніемъ чистоты“.

А, по словамъ Никифора Каллиста, „Она въ бесѣдѣ съ другими сохраняла благоприличіе, не смѣялась, не возмущалась, особенно же не гнѣвалась; совершенно безыскусственная, простая, Она нимало о Себѣ не думала и, далекая отъ изнѣженности, отличалась полнымъ смиреніемъ. Относительно одежды, которая носила. Она довольствовалась естественнымъ цвѣтомъ ихъ, что еще и теперь доказываетъ священный головной покровъ Ея. Коротко сказать, во всѣхъ Ея дѣйствіяхъ обнаруживалась особенная благодать“.

Такова Божія Матерь и „Ея непонятное превосходство предъ всеѣмъ Божиємъ твореніемъ“¹.

Но это „непонятное превосходство“ не исчерпывается и не можетъ быть исчерпаннымъ описаніями и изображеніями. Образъ „Невѣсты Невѣстной“, какъ въ хрустальной призмѣ преломляясь въ творчествѣ художника, хотя бы и свѣще-просвѣтленнаго, отбрасываетъ на данное время одинъ лишь родъ благодатныхъ лучей: иконографія даетъ множество отдѣльныхъ аспектовъ софійной красоты Дѣвы Маріи. Каждая законная икона Божіей Матери,—„явленіная“—, т. е. ознаменованная чудесами и, такъ сказать, получившая одобреніе и утвержденіе отъ Самоѣ Дѣвы-Матери, засвидѣтельствованная въ своей духовной правдивости Самою Дѣвою-Матерью, есть Отпечатлѣніе одной лишь стороны, свѣтлое пятно на землѣ отъ одного лишь луча Благодатной, одно изъ живописныхъ именъ Ея. Отсюда—существованіе множества „явленіныхъ“ иконъ; отсюда—пеканіе поклониться разнымъ иконамъ. Наименованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ отчасти выражаютъ ихъ духовную сущность, и я привелъ уже нѣсколько такихъ типичныхъ названій для иконъ-аспектовъ. Другія наименованія довольно случайны, потому что ведутъ свое начало отъ мѣстностей или событій, внѣшне связанныхъ съ иконою: смыслъ такой иконы постигается лишь въ непосредственномъ созерцаніи, и приводитъ здѣсь названіе ея не имѣло бы смысла. Но мнѣ нужно еще остановиться на одномъ, особенно-важномъ иконографическомъ сюжетѣ, извѣстномъ подъ названіемъ „Софій Премудрости Божіей“. Впрочемъ, имѣющійся матеріалъ должно было бы разсмотрѣть въ особой статьѣ; тутъ же я даю лишь самый бѣглый обзоръ его, но все таки надѣюсь, что и этотъ краткій обзоръ можетъ дать тѣло („аннерценпрующую массу“) для отмѣченныхъ раѣе идей духовнаго созерцанія.

Икона Софій Премудрости Божіей существуетъ во многихъ вариантахъ, и это одно ужъ доказываетъ, что въ Софійной иконоплеснѣ было подлинное религіозное творчество,—исходящее изъ души народа—, а не внѣшнее заим-

¹ А. С. Хомяковъ,—„Опытъ катихизическаго ученія о Церкви“, § 9 („Собравіе Сочиненій подъ редакцію Ю. Самарина“, Прага 1867 г., Т. II, стр. 18).

ствование иконографическихъ формъ. Но, чтобы постигнуть внутреннее содержаніе этого творчества, необходимо разсматривать эти варианты не врозь, а вкувъ, потому что опш—частные аспекты единой идеи¹. Во всякомъ случаѣ непременно нужно брать вмѣстѣ хотя бы главнѣйшіе, типические варианты. За вычетомъ нѣсколькихъ весьма рѣдкихъ и особнякомъ стоящихъ², такихъ вариантовъ—типовъ стѣдуетъ

¹ Задача нашей статьи—уяснить *идею* Софіи (—какъ бы Софію ни именовали—) въ разныя времена, поэтому намъ мало интереса уяснить все-сторонне самый терминъ „Софія“ въ его ино-идейномъ содержаніи. Конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что у свв. отцовъ подъ словомъ Софія весьма перѣдко разумѣется Слово Божіе, Вторая Упостась Пресвятой Троицы; то же должно сказать и о богослужебныхъ молитвахъ и пѣнопѣніяхъ. Доказывать это обще-извѣстное положеніе цитатами—значило бы ломиться въ открытую дверь. Но если вообще,—повторяемъ—мы имѣемъ въ виду лишь особливую *идею* Софіи, то сейчасъ, вдобавокъ, мы ограничиваемъ поле своего вниманія данными *иконописи*, потому что именуемое „Софіей“ у свв. отцовъ вовсе не всегда совпадаетъ съ содержаніемъ этого имени въ иконописи, къ тому же—значительно болѣе поздняго времени, и на оборотъ, иконописная „Софія“ вовсе не всегда обсуждается у свв. отцовъ подъ этимъ же самымъ именемъ.

² Имѣю въ виду примѣненіе имени Софіи-Премудрости къ двѣнадцати-лѣтнему Іисусу Христу, поучающему во храмѣ іерусалимскомъ, (Ипатьевскій складень. „Вѣстн. археол. и истор. издав. Археол. Инст.“ 1885 г. вып. IV, стр. 22, табл. V, 2) и къ Іисусу Христу, раздающему св. хлѣбъ и чашу (икона пинскаго князя Θεодора Ив. Ярославича 1499-1522 г. „Археол. Вѣстникъ“, Т. I, стр. 193. М. 1867). См. Н. Покровский, „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи“, Спб., 1892, стр. 375.—Къ числу исключительныхъ вариантовъ относится и миниатюра изъ рукописи XII-го или, быть можетъ, XI-го вѣка „Психомачіи“ Пруденція, хранящаяся во дворцовой бібліотекѣ Святого Петра въ Ліонѣ. Изображеніе, интересующее насъ, помѣщено среди ряда аллегорическихъ миниатюръ. Оно представляетъ Іисуса Христа съ крестчатымъ нимбомъ, сидящимъ въ сегментѣ; лицо Господа,—приблизительно тридцати-лѣтняго,—съ бородою. Протянувъ обѣ руки Онъ какъ бы передаетъ: десницею книгу, а шуйцею—свитокъ. Около него написъ крупными буквами: „SANCTA SOPHIA“. По объясненію Дидрона этотъ символъ выражаетъ, полноту разумѣнія, даваемого Премудростію, ибо тутъ представлены два наиболѣе употребительные вида манускрипта,—орудія Ея,—а именно свитокъ и книга. По указанію Гюйома Дюрана (G. Durand,—Rat. div. offi. lib. I, cap. III) въ руку пророковъ ветхозавѣтныхъ вкладывается на изображеніяхъ свитокъ, въ руку же евангелистовъ, какъ обладавшихъ полнымъ боговѣдніемъ, а не образнымъ,—книга, поскольку книга болѣе значительная по объему и способная вмѣстить большее содержаніе, является атрибутомъ и совершенной мудрости. Впрочемъ, это указаніе

считать **три**, тогда какъ прочіе имѣють формы, примыкающія къ формамъ этихъ трехъ, основныхъ. Три же типичные перевода могутъ быть охарактеризованы какъ: 1^о, типъ **Ангела**, 2^о, типъ **Церкви** (иногда его называютъ Софіею „Крестной“) и 3^о, типъ **Богородицы**, или, по городамъ, гдѣ находятся лучшіе образцы соответствующихъ иконъ,—Софіею: 1^о, **Новгородскою**. 2^о, **Ярославскою**¹ и 3^о, **Кіевскою**. Но, прежде чѣмъ переходить къ выводамъ относительно ихъ религіозной сути, необходимо привести описаніе иконъ этихъ трехъ типовъ.

Древнѣйшимъ и примѣчательнѣйшимъ является переводъ **Новгородскій**. Новгородскій Софіейскій соборъ заложенъ кн. Владиміромъ въ 1045 г. и освященъ въ 1052 г. Храмовая же икона его, по древнему преданію, признается спискомъ съ царе-градской и, вѣроятно, современна построенію собора. По крайшей мѣрѣ священникъ Московскаго Благовѣщенскаго собора Сильвестръ въ своей „Жалобницѣ“, поданной въ Соборъ 1554 года, прямо указываетъ на то и на другое преданіе.

„Какъ благочестивый Православный и Великій Князь Владимиръ самъ крестился во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, въ Корсуяѣ,—пишетъ о. Сильвестръ—, и пріѣхавъ въ Кіевъ, заповѣда всѣмъ креститися и тогда вся Русская страна крестися; а въ началѣ изъ Царя града въ Кіевъ прислашъ Митрополитъ, а въ Великій Новградъ Владыка Іоакимъ; и Князь Великій Владимиръ повелѣ въ Новѣ-градѣ поставити церковь каменну, святую Софію, Премудрость Божію, по Цареградскому обычаю, и икона Софія, Премудрость Божія, тогда жъ написана, Греческій переводъ—“².

А отъ 1542-го года имѣется прямое извѣстіе объ иконѣ

западнаго символиста справедливо лишь отчасти, ибо извѣстны случаи, когда пророки изображались съ книгами и, наоборотъ, апостолы—со свиткомъ.—

Изображеніе разбираемой нами миниатюры см. въ книгѣ: M. Didron, — *Iconographie chrétienne. Histoire de Dieu*. Paris, 1843, pp. 160-161; Fig. 50.

¹ Еп. Виссаріонъ [Нечаевъ] („Иконы и другія священныя изображенія въ русской церкви“, въ сборникѣ „Духовная вища“, изд. 2, М. 1891 г., стр. 284) называетъ эту Софію Холмогорскою.

² „Жалобница Благовѣщенскаго попа Селивестра“ ([Водянский],—Московскіе соборы на еретиковъ XVI вѣка въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго, М., 1847, стр. 20. Акты Археограф. Экспедиціи, Т. I, стр. 248).

Софіи: „Премудрость Божія,—говорить Лѣтописецъ,— прострела жепу, очима была больна“¹.

Такимъ образомъ, икона Софіи, если не по ошибкѣ, то по составу,—одна изъ древнѣйшихъ русскихъ иконъ. Содержаніе этой завѣтной святыни Великаго Новгорода таково: Центральною фигурою композиціи является ангело-образная фигура въ царскомъ далматикѣ, съ бармами и омофоромъ. Длинные волосы ея не вьются, но падаютъ на плечи. Лицо и руки ея—огненнаго цвѣта, за спиною—два большіе огне-видные крыла, на головѣ—золотой вѣнецъ въ видѣ зубчатой стѣны. Въ правой рукѣ ея—золотой калудей, въ лѣвой—закрытый списокъ, прижимаемый къ сердцу; около головы—золотой нимбъ, падъ ушами—тороки или „слухи“. Это и есть Софія. Она представлена сидящею на двойной мутакѣ, которая лежитъ на пышномъ золотомъ престолѣ о четырехъ ножкахъ и подпираемомъ семью огне-видными отолбами. Ноги Софіи покоятся на большомъ камнѣ. Весь престолъ находится въ золотой осьми-конечной звѣздѣ, расположенной на фонѣ голубыхъ или зеленоватыхъ концентрическихъ колець, испещренныхъ золотыми же звѣздочками. Иногда, впрочемъ, осьми-конечной звѣзды нѣтъ вовсе. По сторонамъ Софіи, на отдѣльныхъ подножіяхъ, благоговѣнно предстоятъ: справа—Божія Матерь, слѣва—Іоаннъ Предтеча. Иногда (напримѣръ, на алтарной наружной стѣнописи Московскаго Успенскаго собора) они, по аттракціи атрибутовъ, тоже изображаются крылатыми. Оба они—въ нимбахъ, но уже не золотыхъ (до крайней мѣрѣ—иногда), а зеленовато-голубыхъ. Божія Матерь поддерживаетъ руками (иногда же—нимбѣтъ въ лонѣ) какъ бы зеленоватую сферу со звѣздами, въ которой находится Младенецъ - Спаситель, окруженный шести-угольною звѣздою. Въ лѣвой рукѣ Спаситель держитъ свитокъ, а правую дѣлаетъ ораторскій жестъ,—тѣ, что ранѣе принимали за именованное благословеніе. Предтеча тоже дѣлаетъ такое же движеніе рукою правою, тогда какъ лѣвая рука его держитъ развернутый свитокъ съ надписью: „Покайтесь и т. д.“. Надъ Софіею находится Спасъ-Всемилюстивый, поясной, съ крестчатымъ нимбомъ. И эта фигура помѣщена въ шести (?)-угольную звѣзду, окруженную звѣзднымъ фономъ. Еще выше

¹ Новгородская III лѣтописъ, подъ 7050-мъ годомъ.

расположена звѣздная радуга на подобіе ленты. Въ серединѣ ея поставленъ четырех-ножннй золотой престоль съ орудіями страстей Господнихъ и съ книгою,—такъ называемое „уготованіе престола“. По сторонамъ его—колѣбно-преклоненные Ангелы, числомъ шесть, по три съ каждой стороны. Иногда Ангеловъ только четыре; но тогда надъ престоломъ изображенъ Богъ-Отецъ, сидящій съ воздѣтыми руками на тронѣ съ полу-цилиндрическою спинкою. Голова Бога-Отца окружена осьми-угольнымъ шимбомъ, углы котораго поочередно красные и зеленые. По бокамъ этого престола тогда расположены еще два колѣбно-преклоненные Ангела. Наконецъ, вся композиція окружена иногда вѣнкомъ (—пѣть 12-ти—) отдельныхъ композицій, преимущественно изъ жизни Богоматери ¹.

Прежде, нежели давать окончательное толкованіе описанной иконѣ, отмѣчу нѣкоторыя частности, которыя паталогизуютъ на объясненіе.

Крылья Софіи—явное указаніе на какую-то особенную близость ея къ горнему міру. Огненность крыльевъ и тѣла—указаніе на духоносность, на полноту духовности. Кадуцей

¹ Гр. М. Толстой,—„Иконы Софіи,—Премудрости Божіей“ („Душев. Чтеніе“ 1890, Ч. I, стр. 241).

Вас. Арсеньевъ,—„О церковномъ иконописаніи“ („Душев. Чтен.“ 1890, Ч. I, стр. 263-264).

Г. Д. Филимоновъ,—„Очерки русской христіанской иконографіи. Софія Премудрость Божія“ („Вѣст. Общ. древне-русскаго искусства при Моск. Пуб. Музеѣ“. 1874-1876, № 1-12, М. 1876, стр. 5-6).

Свящ. Конст. Никольскій,—„Апавематствованіе, совершаемое въ первую недѣлю Великаго Поста“, СПб. 1879. Приложение: Объ иконѣ Софіи-Премудрости, стр. 291. Тутъ описывается икона на переплетѣ Новгородскаго Синодика XVII вѣка.

Сочинитель „Писемъ о богослуженіи“,—„Древности и символика Кіево-Софійскаго собора“ („Прибавленія къ изданію твореній святыхъ отцевъ“, ч. 18, М. 1859, стр. 553-554).

Еще я пользовался нѣкоторыми иконами Софіи Новгородской: въ Успенскомъ Соборѣ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры (1-ый ярусъ иконостаса, 2-я икона справа отъ Царскихъ вратъ); въ Костромскомъ Успенскомъ Соборѣ (стѣнопись притвора, у входа, справа и на наружной алтарной стѣнѣ,—сѣверной, что составляетъ замѣчательную особенность этого храма) въ Церковномъ Музеѣ при Моск. Дух. Академіи; въ боковомъ притворѣ Троицкаго Собора Свято-Троицкой Сергіевой Лавры; въ Московской Третьяковской галлерей (№ 54);—стѣнописью Московскаго Успенскаго Собора; въ Церковномъ Музеѣ при Кіевской Дух. Акад. (№ 2570, въ складнѣ) и др.

а не „жезлъ съ крестомъ“ и не „съ монограммою Христа“. -- но крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ) въ десницѣ—указаніе на божественную силу, на психопомощію, на таинственную власть надъ душами. Свернутый свитокъ въ руцѣхъ, прижимаемый къ органу высшаго вѣдѣнія,—къ сердцу,—указаніе на вѣдѣніе недовѣдомыхъ тайнъ. Царское убранство и престолъ—указаніе на царственное могущество. Окружающія Софію небесныя сферы, исполненныя звѣздъ,—указаніе на космическую власть Софіи, на ея правленіе надъ всею вселенною, на ея космократію ¹. Вѣнецъ въ видѣ городской стѣны—обычный признакъ Земли-Матери въ ея различныхъ видоизмѣненіяхъ, выражающій, быть можетъ, ея покровительство человечеству, какъ совокупному цѣлому, какъ городу, какъ civitas.

Камень (—а не „подушка“!—) подъ ногами—указаніе на твердость опоры, непоколебимость. Тороки или „сдухи“ за ушами, т. е. лента, поддерживающая волосы и освобождающая уши для лучшаго слышанія—указаніе на чуткость воспріятія, на открытость для внушней связи: тороки—иконографическій символъ для обозначенія органа Божественнаго слуха ².

¹ Существуетъ и иное пониманіе этихъ круговъ. Согласно ему, „круги концентрическіе, или сферы въ разрѣзѣ, которыми на древнѣйшихъ иконахъ всегда окруженъ Спаситель,—символизировали сосредоточіе всѣхъ Божескихъ свойствъ въ Первородномъ, какъ-то: премудрости, всемогущества, правосудія, милосердія, царской власти, силы, славы и др., представленныхъ въ видѣ круговъ изъ одного центра описанныхъ. А еще такковыя свойства означались и тремя лучами около главы Его, съ именемъ Божіимъ: „Судій“ (ὁ Ὄν).“ (Вас. Арсеньевъ, — „О церковномъ иконописаніи“ („Душеп. Чт. 1890, ч. I, стр. 261)).

² В. И. Даль („Толковый Словарь живого великорусскаго языка“, 1866 СПб, Ч. I, стр. 384) даетъ объясненіе иное. Онъ сближаетъ слово тороки или тороци не съ торока или тороко—ремешки позади сѣдла, для пристежки,—а съ торокъ, что на архангельскомъ нарѣчій значить порывъ, ударъ вѣтра, шкваль. Отсюда у Даля получается, что „тороки и тороци, икнуся.—токъ Божественнаго слуха, изображенный на иконахъ въ видѣ излучистой струи, тока, лучей“, хотя далѣе приводится и обычное значеніе для тороки—тесемка, лента. Можно указать еще, что слово торжеиный или торчейный (отъ торчать?) значить поднятый къверху, закрученный (напр. „усы торженые“). (І. Ф. Наумовъ, — Дополненія и замѣтки въ Толковому Словарю Даля“. Прилож. къ XXIV т Зап. Имп. Ак. II. № 1, СПб, 1874, стр. 37).

Далѣе, обращаютъ вниманіе: во первыхъ, явное различіе личностей Спасителя, Софійи и Богоматери: во вторыхъ, нахождение Софійи подъ Спасителемъ, т. е. на мѣстѣ подчиненномъ, и Божіей Матери—предъ Софією, т. е. опять таки въ положеніи подчиненномъ. Итакъ, Спаситель, Софія и Божія Матерь—въ послѣдовательномъ іерархическомъ подчиненіи. На то же ихъ неравенство указываетъ и различіе нимбовъ. Иногда, впрочемъ, Софія получаетъ въ позднѣйшихъ памятникахъ иконографіи нимбъ тоже крестчатый. Такова, напримѣръ паружная алтарная роспись Московскаго Успенскаго Собора, относящаяся къ XVII вѣку. Несомнѣнно, что крестчатый нимбъ у Софійи—смѣшеніе иконографическихъ атрибутовъ,—явленіе аттракціи. Но это смѣшеніе въ высшей мѣрѣ характерно: Софія, хотя и самостоятельная фигура иконошиса, однако является, очевидно, столь тѣсно связанною со Христомъ и,—какъ увидимъ далѣе,—съ Богоматерью, что можетъ чрезъ аттракцію усвоить себѣ ихъ атрибуты и тѣмъ, такъ сказать, почти слиться съ Однимъ или съ Другою. Извѣстное сродство трехъ Лицъ обнаруживается иногда и окрыленностью всѣхъ ихъ: такова только что упомянутая Московская роспись; такова роспись алтарной стѣны Успенскаго Костромскаго собора. Дѣвственность же Богоматери до-, во время-, и послѣ рожденія обозначается, по обычаю, тремя звѣздочками: двумя на персяхъ и одною на челѣ Ея.

Обращаюсь ко **второму** Софійному типу,—къ переводу **Ярославскому**, относящемуся къ XVI-XVIII вѣкамъ.

Содержаніе стѣношиса въ ярославской церкви св. Іоанна Златоуста таково: подъ шести-столпнымъ киворіемъ или стѣбною находится облаченный престолъ, за которымъ, въ качествѣ седьмого столпа, изображено Распятіе. Предъ престоломъ стоитъ въ царскомъ далматикѣ и коронѣ царь Соломонъ,—если судить по читаемой имъ книгѣ, въ которой написано: „Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ семь, закла своя жертвенная, и раствори въ чаши своей вино, и уготова свою трапезу“ (Прит 91)—а, можетъ быть, просто священно-служитель, ибо это мѣсто изъ Притчей—тема всей композиціи. На столпахъ киворія—по двѣ написаніи: „Крещеніе“ и „3-ій соборъ“, „Муромозаніе“ и „2-ой со-

борь“, „Покаяніе“ и „4-ой соборъ“, „Священство“ и „6-й соборъ“. „Бракъ“ и „7-й соборъ“, „Елеосвященіе“ и „5-ый соборъ“; а на крестѣ—: „Причащеніе“ и „4-й соборъ“. Весь киворій утверждёнъ на возвышающемся основаніи, а на трехъ ступеняхъ послѣднѣго написано: „Ветхаго и Новаго Завета Божественныя Церкви основаніе мученическая кровь, апостоловъ проповѣдь, пророческая кровь, апостоловъ ученіе, камень вѣры Христосъ, на семь камней создамъ Церковь Свою“. Вверху надъ колоннадою написано: „Глава Церкви Христосъ“, а на архитравѣ—: „И утверди столповъ семь“. Выше, надъ покровомъ киворія—возсѣдающая на престолѣ съ двойною мутакою Божія Матерь съ молитвенно-воздѣтыми руками и окружённая сонмомъ дорупосящихъ Ангеловъ. Надъ головою Ея представленъ Духъ Святой, отъ Котораго исходятъ на Божію Матерь семь лучей—семь благодатныхъ даровъ. Какъ видно изъ написей, это суть: премудрость, разумъ, совѣтъ, крѣпость, вѣдѣніе, благочестіе, страхъ Божій. Еще выше—Богъ-Отецъ въ облакахъ, съ воздѣтыми руками, возсѣдающій на престолѣ съ мутаками (—а можетъ еще быть и Христосъ?—). На поляхъ иколы—десять группъ свѣтлыхъ въ облакахъ: пустынно-жителей, мучениковъ, мученицъ, преподобныхъ, праведныхъ съ Іоакимомъ и Анною во главѣ, несовѣдниковъ, святителей, царей и князей, пророковъ, съ Іоанномъ Предтечею во главѣ, и апостоловъ, возглавляемыхъ ап. Павломъ. Подъ этими лицами свѣтлыхъ внизу расположены шесть группъ обыкновенныхъ людей (не свѣтлыхъ) съ написью: „Собрании вси языцы“; они находятся уже не въ облакахъ, а на землѣ, и преклоняютъ колѣна предъ колоннадою. Общій видъ композиціи очевиденъ. Это—Церковь въ ея цѣломъ, со всеѣми своими духовными силами и основами. Хотя вся композиція носитъ названіе „Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ семь“, но весьма затруднительно было бы точно установить, къ какому изъ изображенныхъ Лицъ относится имя Премудрость: къ Богу ли Отцу, къ Духу ли, къ Богоматери, или къ Распятому Христу. Если—къ Послѣднему, то именно въ Его отношеніи къ строительству спасенія, т. е. опять таки въ связи со всеѣми прочими элементами композиціи ¹.

¹ Н. Покровский, — „Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ“, СПб. 1892 г., стр. 374-375.

Имѣются варианты описаннаго типа „Крестной Софіи“¹. Наибольше замѣчательныя черты одного изъ такихъ вариантовъ,—распространеннаго въ Новгородѣ—заключаются въ томъ, что Богоматерь стоитъ сбоку киворія, справа; слѣва же—,по всей вѣроятности, Іоаннъ Предтеча. За Тою и за Другимъ—по три Апостола. Покровъ киворія увѣнчивается острокопечіемъ и въ него, какъ бы молнія въ громо-отводѣ, упирается средній изъ лучей, пеходящихъ изъ полу-окружія, которое носитъ надпись „Духъ Святый“. Еще выше расположенъ Христосъ на престолѣ, изображенный какъ Спасъ-Всемилющій. Судя по этому варианту, можно думать, что и въ ранне-описанномъ надъ киворіемъ находитя Іисусъ Христосъ, а не Богъ Отець (—какъ утверждаетъ Н. Покровский—). Тогда внутри-киворное Расцятіе,—естественно думать,— есть запрестольное расцятіе, икона, а не Христосъ.

Не останавливаясь на другихъ вариантахъ этой иконной композиціи, перейду прямо къ Софіи **Кіевской**. Она представляетъ много аналогіи съ Софією Ярославскою. Содержаніе Софіи Кіевской слѣдующее:

На семи-ступенчатомъ амвоѣ поставленъ семи-столпный киворій, подъ которымъ стоитъ Богоматерь. Въ лѣвой рукѣ Ея—Младенець, а въ правой—кадуцей (—описываю по преимуществу икону Оптиной пустыни—), иногда же—латинскій крестъ. Подъ ногами—серія луны, лежащей на облакѣ. По карнизу ротоны ланше: „Премудрость созда себѣ домъ и т. д.“ На каждомъ столпѣ—по три ланши: первая—названіе духовнаго дара, вторая—символическое его изображеніе, третья—подходящій текстъ изъ „Откровенія“. На ступеняхъ амвона—наименованія семи добродѣтелей, и на ступени „вѣры“—семь пророковъ. Надъ ротоною Богъ Отець (2), а надъ Нимъ—Духъ Святый. Кругомъ—семь Архангеловъ³: справа—Михаилъ съ пламеннымъ мечемъ, Уривль

Н. Покровскій, — „Очерки памятниковъ христіанской иконографіи и искусства“, изд. 2. СПб. 1900 г., стр. 426—427, 433.

¹ Подробности см. у Филимонова, — Очерки и т. д. стр. 15-18.

² Такова икона Софіи, находящаяся въ Оптиной Пустыни въ келліи у о. игумена М. Икона эта—превосходной, —италианской, повидному,—работы (сужу, по техникѣ письма и по написаніямъ—греческимъ и славянскимъ, которыя сдѣланы настолько безграмотно, что показываютъ пол-

съ молніей, Рафаилъ съ алавастромъ мұра: слѣва—Гавріилъ съ лилією, Селафинъ съ четками, Іерудинъ съ вѣщомъ, Варахидъ съ цвѣтами на бѣломъ платѣ¹.

Но наиболѣе замѣчательною является пзвѣтная композиція Софійной иконы въ иконостасѣ Собора св. Софій въ Кіевѣ. Это храмовая икона, повидному, происхожденія поздняго, половины XVIII-го вѣка; по композиціи ея восходитъ къ XVI-му вѣку, если судить по точному еписку съ нея въ Соборѣ Тобольска, написанною при построеніи храма, т. е. при патриархѣ Филаретѣ. Композиція, какъ и вообще иконопись южной Россіи, образована подъ явпо-католическимъ вліяніемъ (Богоматерь непокровенна; надъ головою Ея два Ангела держать корону; крестъ въ рукѣ Ея—латинскій; позади Нея—колошнадъ и т. п.). Изображенная на иконѣ Богоматерь въ правой рукѣ имѣетъ прощвѣтній жезлъ со змѣе-видной ручкою, т. е. кадудей, а можетъ быть, и епископскій жезлъ; въ лѣвой—же латинскій крестъ. Христосъ изображенъ у Нея въ лонѣ, причемъ правая рука Его „благословляетъ“, а лѣвая—имѣетъ державу. За епискою у Богоматери—два распушенныхъ крыла, подъ ногами—серповидная луна, лежащая на семглавомъ змѣѣ².

Композиція Кіевской Софій представляется, такимъ обра-

нос незнаніе этихъ языковъ иконописцемъ).—Нѣчто вродѣ этой иконы я видѣлъ еще въ Тифлисскомъ Церковномъ Музеѣ при Сіонскомъ Соборѣ, въ Митрополичьихъ покояхъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры и еще кое-гдѣ.

¹ Такъ—на Кіевской иконѣ, на описываемой же не все можно разоб-
брать вслѣдствіе мелкости изображеній.

² Подробности см. у Филмонова,—„Очерки и т. д.“ стр. 20;

|Прот | П. Л(ебединце)ва,—„Софія—Премудрость Божія въ иконографіи
Сѣвера и Юга Россіи“ („Кіевск. Старина“, Т. X, 1884 г. Сентябрь. стр.
556 слѣд.).

Прот. Петра Орловскаго,—„Св. Софія Кіевская, нынѣ Кіево-Софійскій
каедральный Соборъ“, изд. 2-ое, Кіевъ 1901 г., стр. 50-52; .

Е. Волховитниова [Митрополитъ Кіевскій Евгеній]—„Описание Кіево-
Софійскаго Собора и Кіевской Іерархіи“, Кіевъ, 1825, стр. 16 слѣд.

Гр. М. Толстого,—„Иконы Софій,—Премудрости Божіей“ („Душеи. Чле-
ніе“, 1890 г., Ч. I, стр. 458-460).

. Сочинитель „Писемъ о богослуженіи“,—Древности и символичества
Софійскаго Собора („Привавленія къ изданію творевій святыхъ оцевъ“,
ч. 18, г. 1859, стр. 553).

зомъ, видоизмѣненіемъ типа Увѣщанной Богоматери,—синкретическимъ объединеніемъ вѣщанія Богоматери и типа апокалипсической Жены¹. Другими словами, Богоматерь освѣщена тутъ двойнымъ свѣтомъ:—Церкви Земной и Церкви Небесной. „По нашему мнѣнію,—утверждаетъ А. И. Кирпичниковъ²,—типъ вѣщанной Богоматери имѣлъ первоначально то же символическое значеніе, какъ и фигура Оранты въ изображеніяхъ Вознесенія Христова: Оранта безъ короны и на землѣ, есть церковь земная, а женская фигура на облакахъ съ короной на головѣ есть побѣдоносная церковь небесная“. При этомъ указывается, что символическое изображеніе византійское получило на Западѣ толкованіе историческое и затѣмъ попало къ намъ, имѣя уже двойной смыслъ. Но, и помимо этихъ выводовъ изъ генезиса композиціи, не трудно видѣть, что она стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ „Откровеніемъ“. Серпъ луны, семиглавый змѣй, апокалипсическіе тексты и апокалипсическіе символы на столпахъ и сами по себѣ были бы уже достаточны для едѣлашаго утвержденія. Но оно еще болѣе обосновывается, если я напомию тебѣ, что въ самомъ нижнемъ ярусѣ иконостаса,—кажется, современнаго иконъ можно видѣть еще четыре иконы на явно апокалипсическія темы. Это—небольшія медальоны, за рѣшеткою весьма трудно разглядываемые. Особенно интересна находящаяся прямо подъ Софією-Премудростью. Тутъ—сложная композиція, куда входятъ Жена, облеченная въ солнце, Богородица, Архангелъ Михаилъ, Звѣрь, выходящій изъ бездны и т. п.³

Таковы три типа Софійной иконографіи. Интерпретировать ихъ—это значить понять то единое, общее для всѣхъ

¹ См. О. И. Буслаева, — „Лицевой Апокалипсисъ“, стр. 36 и др. (ссылка изъ ниже-приводимой статьи А. И. Кирпичникова).

² А. И. Кирпичниковъ, — „Успеніе Богородицы въ легендѣ и въ искусствѣ“ („Труды VI Археол. съѣзда въ Одессѣ; 1884 г.“ Одесса, 1888 г., стр. 227).

³ Замѣчу кстати, что въ Софійскомъ Соборѣ имѣется еще одно софійное изображеніе—стѣнопись, надъ вратами ограды. А въ Десятинной Церкви, въ лѣвомъ,—сѣверномъ,—предѣлѣ на царскихъ вратахъ времени Петра Могилы—та же софійная икона Богоматери, но безъ такой надписи и безъ окружающихъ фигуръ; это—упрощенная композиція Софіи Кіевской.

ихъ духовное начало, въ силу котораго всё они носили одно имя и чтлись, какъ выраженіе одной идеи. Конечно, это Общее наши предки не знали „отвѣтчиво“, по слову Ө. М. Достоевскаго: но невозможно допустить, чтобы его вовсе не было, чтобы спутанность была въ самыхъ переживаніяхъ: вѣдь разбираемый сейчасъ иконошесный сюжетъ быть въ свое время обширнымъ религіознымъ явленіемъ, и допустить возникновеніе его ex nihilo, изъ религіозной пустоты — было бы нелѣпно. Стороны этого Единаго отмѣчаются врозь отдѣльными исследователями. Какія же это стороны?

Въ Софїи (—при этомъ имѣлась въ виду Софїя Новгородская—) видѣли олицетвореніе отвлеченнаго свойства Божія, атрибута Его мудрости, но не Личной, не Упостасной Мудрости Божіей, а мудрости in abstracto. Толкованіе это правильно въ томъ отношеніи, что Софїя, во всякомъ случаѣ, не есть Упостась въ строгомъ смыслѣ слова и что Она не тождественна съ Логосомъ. Что, дѣйствительно, олицетворенія стихій, городовъ и мѣстностей, нравственныхъ и догматическихъ понятій и т. п. были вполне возможны въ христіанской иконографіи—это доказывается обще-известнымъ фактомъ наличности персонализированныхъ: Моря, Горь, Вѣтра, Пустыни, Неба и Земли, Космоса, Иордана, Солнца и Луны, Ночи и Утра, Небеснаго Вещества, Глубины, Ада, Египта, Назарета, Виллесама, Иерусалима, Мелодіи, Силы, Высокомѣрія, Раскаянія, Юности, *Διχαιοσύνη καὶ Ἐλεημοσύνη*, Добродѣтелей, *Προφητεία*, *Σοφία*, Синагоги, Церкви и т. п. на множествѣ иконъ, миниатюръ, стѣнописей и проч. Известно, что Константинъ Великій воздвигъ въ Царѣ-градѣ три храма.—въ честь Премудрости (*Ἡ ἅγια Σοφία*), Мира (*Ἡ ἅγια Εἰρήνη*) и Силы (*Ἡ ἅγια Δύναμις*), впоследствии преобразованіи въ храмы св. Софїи, св. Ирины и св. Силы Небесныхъ. Въ исторіи Рима языческаго подобныхъ примѣровъ храмо-здания въ честь отвлеченныхъ понятій—сколько угодно; но не слѣдуетъ отсюда слишкомъ поспѣшно выводить, будто Константинъ „посвящаетъ свои храмы идеямъ и въ частности идеѣ божественной Премудрости, безъ всякаго отношенія этого понятія къ Сыну Божію“. Скорѣе правильна мысль † проф. А. П. Голубцова, видящаго въ этихъ нейтральныхъ, такъ сказать, между язычниками и

христіанами посвященіяхъ мѣру тактическую, посредствомъ которой Императоръ незамѣтно вводилъ христіанство, для желающихъ быть внѣ ограды церковной предоставляя возможность видѣть въ Премудрости, Мирѣ и Слѣѣ только олицетворенныя понятія ¹.

Такъ или иначе, но отвѣченостями люди не живутъ, и произошло то, что должно было произойти. А именно, стали цекать для Софій конкретныя представленія. Юстиніановъ храмъ Софій посвященъ уже Воплотившемуся Слову Божію, такъ что праздникомъ освященія было 22-23-е декабря, а храмовымъ,—повидимому, Рождество Христово. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, столь же несомнѣнна религіозная связь Софій съ Богородицею, раскрывающаяся въ бого-служебной практикѣ и въ религіозномъ міро-созерцаніи нашихъ предковъ ². Для разсудка единое переживаніе и тогда двоялось причеиъ разсудокъ колебался между Спасителемъ и Богородицею. Богослужебный ритуаль доказываетъ это съ несомнѣнностью. Уже въ XVI вѣкѣ наши домо-рожденные богословы теряются при попыткѣ разсудочно опредѣлить идею Софій: „Овнн убо глаголють яко осятятся церковь Св. Софій во имя Пречистыя Богородицы; овнн же глаголють яко ибѣсть здѣ имени саму въ Русн вѣдомо, пнже Мудрости сія мошно толку вѣдати“ ³. Эти колебанія перешли и къ изслѣдователямъ современнмъ. Въ то время какъ для однихъ изслѣдователей Софія есть Слово Божіе, другіе видятъ въ Ней Богородицу, третьи—олицетвореніе Дѣвства Ея, четвертые—Церковь и пятыя—совокупное челоѡвѣчество, „Grande Être“ О. Конта.

Нужно ли признать эти толкованія непримиримыми?—Разумѣется, Слово Божіе, Богородица, Дѣвство, Церковь, Челоѡвѣчество, *какъ разсудочныя понятія*, несомнѣнны другъ съ другомъ; но если мы обратимся къ соотвѣтствующимъ *идеямъ*, то этой несомнѣнности уже не будетъ; мало того,

¹ А. П. Голубцовъ,—„Соборные чиновники“, Первая, половина изслѣд. М. 1907 г., стр. 23, прим.

² Болѣе подробное разсмотрѣніе этихъ вопросовъ и соотвѣтственныя доказательства см. у А. П. Голубцова, „Соборные Чиновники“, Перв. пол. изсл. М. 1907, стр. 21-24.

³ „Сказаніе извѣстно, что есть Софей, Премудрость Божія“, гл. 14 („Вѣстн. Общ. древне-русс. иск.“ 1874-1876 г. Матеріалы, стр. 1).

предыдущій,—метафизическій—, разборъ дѣла показалъ уже взаимную связь этихъ идей. Не останавливаясь на каждой изъ нихъ въ частности¹, приведу лишь нѣсколько древне-

¹ Подробности см. въ Софійно-иконографической литературѣ. Ради удобства привожу библиографію ея, хотя и неполную (звѣздочками отмѣчены тѣ книги или статьи, гдѣ имѣются рисунки на Софійной иконографіи):

А. Н. Никольскій,—Статья въ „Вѣстн. Археол. и ист. издаваем. Имп. Археол. Инст.“, 1906 г., Вып. 17. (Мнѣ не удалось видѣть ее).^{*}

А. И. Успенскій,—„Иконопись въ Россіи до второй половины XVII вѣка“ („Золотое Руно“, 1906 г. № 7-8-9).

Е. К. Рѣдигъ,—Матеріалы для византійской и древнерусской иконографіи. I. Софія, Премудрость Божія. („Археологическія Извѣстія и Замѣтки“, Т. I, М. 1893).

Гр. М. Толстой,—„Иконы Софіи,—Премудрости Божіей“ („Душеп. Чтен.“ 1890 г., Ч. I, стр. 240-241, 458-460).

В. Арсеньевъ,—„О Церковномъ иконописаніи“ („Душеп. Чтен.“. 1890. Ч. I, стр. 263-265).

Свящ. Богословскій,—„Святая Софія въ Великомъ Новгородѣ“ („Христ. Чтен.“ 1877 г. Ч. I, стр. 188-189, 191, 201).

Гр. М. Толстой,—„Письма изъ Кіева“ („Душеп. Чтен.“ 1870 г., Ч. II. „Извѣст. и замѣтки“, стр. 69-71).

Прот. Петръ Орловскій,—„Святая Софія Кіевская, нынѣ Кіево-Софійскій кафедральный Соборъ“, изд. 2-е, Кіевъ, 1901 г.

Сахаровъ,—„Исслѣдованія о русскомъ иконописаніи“, кн. 2, стр. 30-34.

П. Г. Лебединцевъ,—О св. Софіи Кіевской. („Труды III Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ въ 1874 г.“ Т. I. Кіевъ, 1878).

[Прот.] П. Лебединцевъ,—„Софія-Премудрость Божія въ иконографіи Сѣвера и Юга Россіи“ („Кіевск. Старина“, Т. 10, 1884 г., Сентябрь, стр. 555-567).

* Г. Д. Филимоновъ,—„Очерки русской христіанской иконографіи. Софія премудрость Божія“ („Вѣст. Общ. древне-русс. искусства при Моск. Публ. Музеѣ“. 1877-1876, № 1, 1876 г., М. стр. 1-20).

„Сказаніе извѣстно, что есть Софей премудрость Божія“ и „Сказаніе о Святой Софіи въ Царѣградѣ“ (тамъ же, „Матеріалы“, стр. 1-17).

А. Голубцовъ,—„Соборные Чиновники и особенности службы по нимъ“. М. 1907 г., стр. 13-32 и далѣе.

* Н. Покровскій,—„Евангеліе въ памятникахъ иконографіи преимущественно византійскихъ и русскихъ“, СПб. 1892, стр. 374 сл. XXXV-XXXVI, 207 и др.

* Митр. Евгеній Болховитиновъ,—„Описаніе Кіевософійскаго Собора и Кіевской Іерархіи“, Кіевъ 1825, стр. 16 и далѣе.

Ө. Вуслаевъ,—„Историческіе Очерки русск. пар. слов. и искусств.“, Т. 2, стр. 297.

Свящ. Константинъ Никольскій,—„Анаематствованіе, совершаемое въ первую недѣлю Великаго Поста“, СПб., 1879 г., приложение, стр. 291 сл.

Вл. С. Соловьевъ,—„Идея челоуѣчества у Августа Канта“, IX („Собр. Соч.“ Т. 8, СПб., стр. 240-241).

русскихъ толкованій, которыя даютъ точкій синтезъ отдельныхъ аспектовъ Софій 1.

Вотъ нашесъ на иконѣ Софій Премудрости въ иконостасѣ Успенскаго Собора Троице-Сергіевской Лавры (1-ый ярусъ, 2-я икона справа отъ царскихъ вратъ) [въ текстѣ введена пунктуация]:

„Образъ Софій, Премудрости Божіей, проявляетъ Собою Пресвятая Богородицы неизглаголаннаго дѣвства чистоту. Имят же Дѣвство лице огненно и надъ ушами тороды: вѣнецъ царскій на главѣ и надъ главою имѣетъ Христа, а на высотѣ простерты небеса. Толкованіе: Лице огненное являетъ яко дѣвство подобляется Богу вмѣстилище быти, огонь бо есть Богъ поपालая страсть тѣлесныя и просвѣщаетъ душу дѣвственную. А еже надъ ушами тороды и еже имуть ангели—яко дѣвственное со ангелы равно есть. Тороды же освѣненіе Святаго Духа. На главѣ же имят вѣнецъ царскій. Симъ являетъ яко смиренная ея мудрость царствуетъ надъ страстми. Надъ главою же имят Христа, глава бо Мудрости Сынь, Слово Божіе. Той возлюби Дѣвство Пресвятая Богородицы и тоя смиренную Мудрость и благоизволи плотію родитися отъ Нея. Простерты же бысть небеса являетъ яко дѣвственная душа присно свое желаніе имят на небеси. Препоясаніе же по персямъ являетъ санъ старейшинства и святительства. Въ рудѣ имят скипетръ, имъ являетъ санъ царскій. Крыли же орли и огненныя на высокопареніе и пророчество: птица же сія, егда ви-

-----

* Е. М. Кузьминъ,—Икона св. Софій и объясненія ея. „Вѣстникъ Теософій, 1909, I, стр. 1.

Еписк. Виссаріонъ,—„Иконы и другія священныя изображенія въ русской церкви“. (Въ сборникѣ „Духовная Пища“, изд. 2, Москва 1891 г. стр. 284-286.

Сочинитель „Писемъ о богослуженіи“,—Древности и символика Кіево-Софійскаго собора („Прибавленія и изданія творенія святыхъ отцевъ“, ч. 18, М. 1859, стр. 553-554.

M. Didron,—Iconographie chrétienne. Histoire de Dieu. Paris, 1843. pp. 160-161.

Указаніе на дальнѣйшую библиографію можно найти въ перечисленныхъ здѣсь источникахъ.

1 Привожу лишь часть матеріаловъ, нѣкоторые—по рукописямъ. Издаво: „Сказаніе извѣстно, что есть Софій Премудрость Божія“ („Вѣстн. Общ. древне-руск. иск. при Моск. Публ. Музеѣ“ 1874-1876, № 1-12. Матеріалы, стр. 1-5). „О образѣ—Софій Премудрости Божіей, списано съ мѣстнаго образа, что въ Великомъ Новгородѣ“ (изъ рукописи Синодальн. Библ., содержащей въ себѣ толкованіе на Псалтирь св. Афанасія Алек. № 238. См. „Описаніе рукописей Синод. Библ.“ Горскаго и Певоструева. Отд. 2, стр. 74; Никольскаго,—„Анаематствованіе“, стр. 292).

дѣть ловца, выше возлетаетъ; такъ и любящія дѣвство неудоби, уловлеви бывають отъ ловца діавола ¹.

Въ шуйцѣ же имать свитокъ, въ немъ же вписаны недовѣдомыя и сокровенныя тайны Божія: непостижимо бо суть божественныя дѣвства ни ангеламъ, ни человѣкамъ. Одѣваніе же свѣта и престоль, на немъ же сидитъ, иного будущаго свѣта покоише являютъ. Утверждены же семь столповъ—семь Духа дарованій, пророкомъ Исаемъ провозвѣщенные. Ноги имать на камень: Дѣвство бо исповѣданій яже во Христа вѣры стоитъ непоколебимо взывая къ Богу: „На камени мя вѣры утверди“. Елици же дѣвство хранять, подобятся Пресвятѣй Богородицѣ. Сіе возлюби Іоаннъ Предтеча: сподобися крестити Христа, Бога нашего. Сіе возлюби Іоаннъ Богословъ: сподобися возлещи на персяхъ Христа, Бога нашего. Богъ бо безплотный и безтѣлесный радуется чистотѣ и дѣломудрію души. Приведутся, рече, царю Дѣвы вслѣдъ ея, и искреніи Ея приведутся въ веселіи и радованіи. Введется въ храмъ царевъ сирѣчь дѣвственніи души приведутся вослѣдъ Пресвятыя Богородицы къ Сыну ея и Богу нашему. Аминь“.

Другія объясненія не особенно разнятся съ только что приведеннымъ и въ основныхъ моментахъ могутъ считаться тождественными. Но позволю себѣ привести кое-какія въ виду: ихъ неизданности.

Такъ, въ рукошисномъ „Сборникѣ полемиц., капоинч. и историчес. статей“, хранящемся въ Вибл. Моск. Дух. Академіи за № 10 (175) на лл. 199 об. - 201 всего тома (или лл. 82 об. - 84 дапшой рукошисн, написанной скорошиснею), читаемъ:

„Сказаніе истолковано, что есть соеія премудрость божія. Церковь божія софія пречистая дѣва богородица. т² сирѣчь дѣвственныхъ душа неизглаголаннаго дѣвства. Чистота смиренія мудрости истина. в имѣеть надглавою христа. т глава бо мудрости сынъ слово божіе. простерта же небеса пре высрь тоя. т преклони бо небеса, сниде, сниде въ дѣву чисту. елико бо ихъ любяць дѣвство подобятся богородицы. Сія бо роди сына и слово божіе господа ісуса христа. любящей бо дѣвство ражаютъ слова дѣтели. рекше неразумныя научати. Сію же возлюби предтеча креститель, крестиса уставъ дѣвства показа жестокое о бозѣ житіе. Имат же дѣвство лице дѣвиче огнепо. т огньбо есть божество. попаляя страсти тлѣнныя, просвѣщающая же душу чисту. Имат же надушима тороцы. еже имут аггели. т житіе чисто со аггели равно естъ. тороцы же суть покоише святаго духа. Нагалвѣ же ея вѣнецъ царскіи. т смиренная мудрость царствуетъ страстем. иаиже препоясаніе во чреслах. т образъ старѣшинства

¹ Здѣсь кончается то, что написано слѣва отъ Софіи (для зрителя), и начинается написанное справа.

² т означаетъ толкъ, толкованіе, а в—вопросъ.

и святительства. Вруцѣ же держаще скипетръ. т царскіи санъ. Имаѣ же крылѣ огневѣ. т высокопаривое пророчество разум скоро (?) являеть зѣло бо азрачная птица любящи мудрость еда бо видит ловца, выше возлетает. Тако любящеи дѣвство неудобуловени бываетъ отъ ловца дьявола. Вишуицы же имать свитокъ написан. т Внемъ недовѣдомыя сокровенныя тайны. Рекше преданная писанія видѣт, непостижима бо сугъ божественная дѣйства ви аггеломъ ви человекомъ. Одѣяніе же свѣта и престолъ панемъ же сѣди. т Иного будущаго свѣта покоище являет. Утвержена ва седмью столпѣ. т Седмью духа дарованіи. Что во исаніе пророчество писано. Ноги же имат на камени. т На семъ бо камени созижду церковь мою. И паки на камени мя вѣры утверди, совія премудрость божія. т Святѣи соборнѣи апостольстей церкви. дѣвство образъ божіи отъ дѣвы бо родися господь. дѣвство почте елико бо бесплотенъ и безтелесенъ Господь толкио чистогѣ и безгѣлѣнію плоти нашея радуется. дѣвство наполняетъ горнюю твар. Имѣсто ежъ истощивши огнадшихъ аггели. елико бо человекъ смертныхъ толкио дѣвственничество женившихся чествіе яко по образу божію тѣлю намъ есть жити христосови почести дѣвство плоти тѣлвнѣи и капа убѣгающа. Дивно же нетѣлвну быти человеку безгѣла чистотою христовымъ воплощеніемъ. Нетѣлвнно отъдѣвы приведутся рече царю дѣвы повемъ, сирѣчь дѣвственныхъ душа. Тѣмъ же не скорбите самъ бо намъ обѣтова глаголя. Идѣ же азъ буду ту и слуга мой будетъ“.

Такое же, но нѣсколько укороченное, толкованіе находимъ въ рукописномъ „Апокалиписѣ толковомъ въ лицахъ, толкованіе Андрея Архіеп. Кесар.“ (Написанномъ полу-уставомъ XVI ст., переходящимъ въ скорописъ) и хранящемся въ Библ. Моск. Дух. Акад. подъ № 11 (16),—именно, на л. 96 „Прибавленія“, подъ надписаніемъ: Ософїи премудрости божіи списано съ мѣтнаго образа, иже, в' великомъ повѣ градѣ“. Это толкованіе начинается словами: „Церквн Божія соеѣи пречистая дѣва богородица и т. д.“; кончается же словами: „На семъ бо рече камени созижду церковь мою. И паки рече, на камени мя вѣры утверди“. Это весьма важно. Очевидно разсужденіе о превосходствѣ безбрачія предѣ бракомъ и рѣзко-аскетической манихейскій топь въ коницъ предыдущаго „Сказанія“ есть прибавка позднѣйшая.—если только позволительно въ данномъ случаѣ дѣлать заключеніе отъ древности рукописи къ древности редакціи. Добавлю еще, что на л. 72 находятя апокалиптическіе миниатюры, относящіяся къ Софійнымъ темамъ.

Въ рукописной „Книгѣ Алфавитъ“, или точнѣе, Толковый Словарь въ алфавитномъ порядкѣ (написанный мелкимъ полу-уставомъ XVII вѣка) и хранящійся въ Библ. Московской Духовной Академіи подъ № 36 (230) на лл. 232 - 251 опять таки находится „Толкованіе образу Св. Софїи премудрости божіей. Софїя церковь божія - пречистая дѣва-богородица—сирѣчь дѣй[в?]ственная душа неизглагоманнаго дѣвства чистота и т. д.“.

Нѣсколько подобныхъ толкованій имѣется и въ Библіотекѣ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры¹. Такъ, напримѣръ, въ рукописи 122 (1829) („Апокалипсисъ толковый Андрея Кесарійскаго съ прибавленіями“, полу-уст. XV вѣка) на л. 147 „Прибавленій“ говорится: „Словеса избранныя отъ многихъ книгъ различныхъ строкъ Нач. Слово о премудрости. Неизрѣчьнаго дѣвства чистота смиренныя мудрости истина имѣеть бо пады главою Христа“; на л. 150 толкованіе трехъ стиховъ подъ заглавіемъ: „Въ св. Софіи есть комера Соломона сына Давидова отъ камени другаго [драгаго?] сдѣлана, на ней же суть написаны стисы тріе еврейскими и самарійскими писменами---“. На бѣломъ же листѣ впереди книги помѣщенъ ex-libris: „Сія святая Откровеніе Ивана Богослова и вангиліста Апокалипсисъ, да въ ней служба толковая, да иныхъ приписей много безъ числа, мудрыхъ безъ мѣры. Асія книга Зосимы митрополита всея Руси“ [Митрополитомъ Зосима былъ въ 1491-1494 гг.].

Въ рукописи 758 (1649), представляющей „Сборникъ“, писанный полу-уставомъ XVI в. на л. 220 находится „Слово св. Софіи о Премудрости Божіей. Нач. Церкви Божія Софія пречистая Дѣва Богородица---“.

Тѣсная связь Софіи и Богородицы ярко замѣчательна въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ. Такъ, въ Московской Софійской церкви, что близь Лубянской площади, есть особенная служба св. Софіи, и въ концѣ этой службы говорится о дѣвственной Дѣвѣ Богородицѣ, какъ о Церкви и о Софіи:

„Заступицу мірови, превелорошную Невѣсту, Дѣву восьми держаю, еяже дѣвственную душу церковь свою божественную нарекъ еси, и поцлощенія ради Слова твоего Софію Премудрости Божію именоваль еси.--- Зракъ ея огневиднъ въобразилъ еси, отъ нея же изыде огнь Божества твоего, ерѣчь едиnorodный Сыпь твой“².

Обращаетъ на себя вниманіе и то обстоятельство, что Софія празднуется въ день Рождества Богородицы (—въ Кіевѣ—) или въ день Успенія (—въ Володѣ—).

Таковыя одиныя ряды толкованій Софіи. Въ другихъ же, какъ напримѣръ въ „Сборникѣ Подлинникѣ графа Строга-

¹ Дальѣйшія свѣдѣнія заимствую изъ „Описанія Славянскихъ рукописей Библіотеки Свято-Троицкой Сергіевой Лавры“, М. 1875. г., Ч. I, стр. 89-90; Ч. II, стр. 214.

² Ев. Виссаріонъ, — „Иконы и другія священныя изображенія въ русской церкви“ (въ Сборникѣ „Духовная Пища“, изд. 2, М. 1891, стр. 286, прим. 1-ое).

пова" Премудрость прямо называется Сыномъ и Словомъ Божіимъ ¹. Таково толкованіе Софіи нашими предками. Сразу видно отличіе его по тону отъ толкованія византийскихъ грековъ. Занятая богословскою спекуляціею, Византія воспринимала Софію со стороны ея спекулятивно-догматическаго содержанія. Софія, въ пошманіи грековъ, — по преимуществу предметъ созерцанія. Наши предки, воспринявъ отъ Византіи готовыя догматическія формулы, прилькнувъ душою къ подвигу, къ чистотѣ и святости отдѣльной души. И тогда Софія повернулась къ нихъ сознанію другою своею гранью,—аспектомъ цѣломудрія и дѣвственности, аспектомъ духовнаго совершенства и внутренней красоты. Наконецъ, наши современники, мечтавъ о единствѣ всей твари въ Богѣ, всю мысль устремили къ идѣ мистической Церкви. И Софія повернулась къ нимъ своею третьею гранью,—аспектомъ Церкви. Феодоръ Бухаревъ, Ф. М. Достоевскій, В. С. Соловьевъ, „неохристіане“, католическіе модернисты и т. д.—вотъ тѣ теченія, которыя опять находятъ себѣ символическое выраженіе въ Софіи-ныхъ иконахъ. Чѣмъ же теперь является Софія?

„Это Великое, царственное и женственное существо, которое, не будучи ни Богомъ, ни вѣчнымъ Сыномъ Божіимъ, ни ангеломъ, ни святымъ человекомъ, принимаетъ почитаніе и отъ завершителя Ветхаго Завета и отъ родоначальницы Новаго,—кто же оно,—говорить въ своей рѣчи 1898 г. о Контѣ Вл. С. Соловьевъ—кто же оно, какъ не самое истинное, чистое и полное человечество, высшая и всеобъемлющая форма и живая душа природы и вселенной вѣчно соединенная и во вѣчномъ процессѣ соединяющаяся съ Божествомъ и соединяющая съ Нимъ все, что есть. Несомнѣнно, что въ этомъ полный смыслъ Великаго Существа, неизловленно прочувствованный и сознанный Контъ, въ цѣлости прочувствованный, но вовсе не созданный нашими

¹ К. Никольскій, — „Аннотированіе“, стр. 292, съ ссылкой на Ф. Буслаява, — „Историческіе очерки русск. народн. слов. и искусств.“, Т. 2, стр. 297.

² Вл. С. Соловьевъ, — „Идея человечества у Августа Конта“ IX („Собраніе сочиненій“, Т. 8, СПб., стр. 240-241).

предками, благочестивыми строителями Софійскихъ храмовъ“.

Таковы три аспекта идеи Софiи. Существуетъ одно замѣчательное изображенiе, объединяющее въ себѣ ихъ. Это, именно,—стѣнописъ въ притворѣ (у самого входа, справа), Костромского Успенскаго Собора. Въ рядѣ послѣдовательныхъ находящихся другъ подъ другомъ медальоновъ изображены тутъ: Богъ Отецъ, Иисусъ Христосъ, Софiя (съ надписью: *Иис. Хр.*), Божiя Матерь (типа Знаменiя) въ восьмиугольной звѣздѣ и, наконецъ, Церковь, представленная зв. Престоломъ, возлѣ котораго стоитъ ап. Петръ, затѣмъ, сонмъ пророковъ и святыхъ,—однимъ словомъ—,—вся мистическая цѣль домостроительства. Изображенiе это въ высокой степени интересно, и жаль только, что не имѣется съ него фотографическаго снимка.

Аналогичное соотношенiе иконныхъ сюжетовъ—въ паружной алтарной росписи того же храма: Въ среднѣй росписи представлена Пресвятая Троица, слѣва отъ нея—Божiя Матерь, сидящая на престолѣ, а справа—Софiя, новгородскаго извода. Надъ Софiею—четыре ангела, по сторонамъ же Ея—Божiя Матерь и Иваницъ Предтеча и сонмъ святыхъ.

Три главные аспекта Софiи-Премудрости и три типа пониманiя Ея въ разныя времена и въ разныхъ душахъ получаютъ поочередно свое преобладанiе. Наренiе богословскаго созерцанiя, подвигъ внутренней чистоты и радость всеобщаго единства дробятся человѣческимъ сознаниемъ на раздѣльные моменты жизни и только въ Утѣшителѣ получаютъ свое единство. Но мы не должны забывать, что лишь въ этомъ единствѣ—сила и смыслъ каждаго изъ нихъ. Лишь въ преодоленiи плотной разсудочности, выступаетъ, какъ снѣжная вершина изъ снѣгой утренной земли „Столпъ и Утверженiе Истинъ“.

Вопросъ — въ томъ, при какихъ же, именно, жизненныхъ условiяхъ вырастаетъ подвигъ этого само-преодоленiя. — Условiя эти—въ томъ, чтобы показать душѣ своей предварительное, частичное преодоленiе плотности и тѣмъ увлечь ее къ подвигу.

Предварительно—Софiя, —эта истинная Тварь или тварь во Истинѣ—, является какъ намекъ на преображенный, оду-

хотворенный міръ, какъ незримое для другихъ явленіе горячаго въ дальнемъ. Это откровеніе совершается въ личной, некрепней любви двухъ,—въ дружбѣ, когда любящему дается предварительно, безъ подвига нарушение само-тождества, снятіе граней Я, выхожденіе изъ себя и обрѣтеніе своего Я въ Я другого.—Друга. Дружба, какъ таинственное рожденіе **Ты**, и есть та среда, въ которой начинается откровеніе Истины.

Священникъ Павелъ Флоренскій.
